

Захаров А.В.

(Челябинск)

Ляпин Д.А.

(Елец)

УДК 94(47)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ И ПОМЕЩИКИ АЗОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИ ПЕТРЕ I: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПО МАССОВЫМ ИСТОЧНИКАМ 1710–1723 гг.¹

В статье ставится проблема определения социальной идентичности азовских служилых людей и помещиков в конце правления Петра I, решение которой предложено с помощью анализа массовых источников и методики сопоставления биографических данных. Социальная идентичность чиновных групп понимается авторами статьи как совокупность ретроспективных практик идентификации – восприятия людьми самих себя и друг другом. Впервые в историографии изучается численность и чиновная структура служилых людей Азовской губернии по данным «генерального смотра» 1721–1723 гг., организованного Сенатом и его Герольдмейстерской канцелярией. Данные о поместно-служилой стратификации Азовской губернии рассмотрены по книгам «приездов» и сопоставлены с ландратской переписью Шацкого и Елецкого уездов 1710 и 1718 гг. Рассмотрена статистика по возрастным группам помещиков и состав семей служилых людей Шацкого уезда. Определение социальной идентификации азовских помещиков и служилых людей исследуется на основе поименной регистрации на смотре 1721–1722 гг. Практика самопрезентации служилых людей при «объявлении» своего имени и возраста проанализирована с помощью типологии формул самоидентификации. Выделены основные параметры социальной идентификации «ишляхетства». Авторы приходят к выводу о возрастании роли места службы и служебных назначений для социальной идентификации служилых людей в Петровскую эпоху.

Ключевые слова: Петр I, Азовская губерния, Шацкий уезд, Герольдмейстерская канцелярия, дворянство, смотр, самоидентификация, социальная идентификация, массовые источники.

The article actualizes the problem of determining the social identity of the Azov nobility. The authors propose a solution using the analysis of mass sources and the method of biographical comparison of data. The social identity of the nobility is understood by the authors of the article as a set of retrospective identification practices - this is the perception of service people of themselves and each other. The authors believe that various practices of social identification in the past are expressed in the context of research and analysis in modern language, and the description of social identity is semantically a historical reconstruction. For the first time in historiography, the number and official structure of the service people of the Azov province is studied. This topic was studied according to the data of the "General Inspection" held in Moscow in 1721-1723, which was organized by the Senate and Heraldry. Data on the official structure of the nobility of the Azov province were studied according to the "knigi priedzov" and compared with the Landrat census of Shatsky and Yelets counties. The authors studied the social identification of the Azov nobility on the basis of name registration at the "General Inspection" during 1721-1722. The totality of representations by service people of their name and age are analyzed using the typology of self-identification formulas. In the conclusion of the article, the main parameters of the social identification of the "nobility" are highlighted.

¹ При написании статьи использованы результаты исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42073 «Петровская эпоха».

Keywords: Peter the Great, Senate, Azov province, Shatsky uyezd, Heraldry, Russian nobility, source studies, Landratic Books, self-identification.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-83-98

Административно-фискальные преобразования Петра I, задуманные в конце Северной войны, сопровождались несколькими мероприятиями по учету тяглого населения, армейских чинов и канцелярских служащих. К началу 1720-х гг. правительство считало, что вне всевидящего ока ревизий, на местах в губерниях проживали отставные офицеры и царедворцы (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы) и «дворяне всякого звания», годные к службе. Сенатские служащие за 6–7 месяцев должны были пересмотреть всех обладателей этих «чинов», состоявших вне армии и гарнизонов. Стольник С. А. Колычев, избранный заочно в герольдмейстеры в январе 1721 г., собрал штат «канцелярии своего ведомства» и под эгидой Сената с октября начал смотр шляхетства в столице, продолжив его в Москве. Предполагалось «разобрать» всех провинциальных «дворян и отставных» кроме Сибири и Астрахани, а временно неучтенных ревизовать на местах. Всех годных надлежало назначить к гражданской службе или записать в резерв. Чтобы не парализовать местное управление и обеспечить съезд всего шляхетства, «дворянам» указывалось приезжать поочередно в «две половины».

На смотр в Москве с декабря 1721 г. по апрель 1723 г. съехалось около 17 тыс. служилых людей, 1042 из которых были рекрутированы «к делам» коллегий и отправлены в провинции. В настоящее время выявлено 4560 служебных сказок этого смотра и 10 книг «приездов дворян» 1721–1723 гг. [3, 4]. Также выявлена особая книга «приездов» дворян Азовской губернии 1721–1722 г., отражающая их социальную идентификацию. Служебные сказки, поданные участниками смотра, являются основным массовым источником для исследования самоидентификации помещиков и служилых людей. Более ранние переписи населения в ландратских книгах 1710–1720 гг. учитывали помещиков косвенно в связи с податным населением. Особо информативны для изучения состава провинциальных дворовладельцев так называемые «перечневые» книги.

В статье ставятся задачи определения численности, структуры и социальной идентификации азовских помещиков и служилых людей, как часть описания социальной идентичности этой локальной группы. Социальная идентичность понимается как совокупность ретроспективных практик идентификации – восприятий людьми самих себя и друг другом. Разнообразные практики социальных идентификаций в прошлом выражаются в контексте исследовательского прочтения и анализа на современном языке, а описание социальной идентичности семантически является исторической реконструкцией.

К бытовавшим практикам идентификации следует отнести, во-первых, фиксацию статуса и локации (места службы, жительства) представителей какой-либо «малой социальной группы» со стороны власти и служащих при любой акции учета или письменной коммуникации с поданным. Собственно «маркеры идентификации» XVII–XVIII вв. хорошо известны по письменной речи в названиях чинов, званий, «урядов» и «состояний», рангов, рода службы и владельческого статуса. Во-вторых, индивидуально каждый человек определял свою самоидентификацию через самоименование и причисление себя к какому-либо «чину», званию или месту жительства. Социальная идентификация могла не совпадать с самоописанием человека, запечатленным в канцелярских документах. В челобитных XVII в. и Петровского времени нередко излагались прошения поместного и денежного жалования или иных льгот «против своей братии», в «ровню» с просителем, чем также выражалась личная самоидентификация. В-третьих, вариантом социальной идентификации следует считать восприятие имени, статуса, локации представителей одной группы через артикуляцию или письменную речь людей других «малых групп».

Прежде всего, попытаемся выяснить чиновную стратификацию, владельческий статус и семейный статус представителей локальной группы азовских помещиков на примере Шацкого уезда. Полученные данные на примере одного уезда вряд ли возможно экстраполировать на всех азовских помещиков. Тем не менее, они необходимы для предварительной оценки и коррекции вектора дальнейших исследований. Необходимо также решить историко-ведческую задачу, выяснив полноту учетных данных азовских помещиков и служилых людей 1710-х – начала 1720-х гг.

Средневековые «корпорации», объединявшие служилое население провинции, складывалось постепенно с середины XVI в. с момента образования уездов как итог политики правительства [1, с. 232–285]. Уездное служилое население в историографии принято называть «служилым городом». Это, главным образом, местные землевладельцы, имевшие определенные права самоуправления, но обязанные пожизненно нести военную службу вместе со своей уездной «корпорацией» [1, с. 285]. Во второй половине XVII в. эти региональные военные объединения начали разрушаться, поскольку новые служебные категории (рейтары, драгуны, копейщики) создавались без учета принадлежности к определенному уезду [11]. В итоге к началу Северной войны в провинциальном служилом обществе наблюдалась чрезвычайно дробная чиновная градация.

Важным событием военной и социальной истории региона стало образование в 1658 г. Белгородского разряда. В составе этого административного подразделения служилые люди участвовали во всех военных кампаниях второй половины XVII в. Впоследствии по его образцу были созданы Новгородский, Севский и Смоленский разряды. Белгородский разряд контролировал почти половину всего служилого населения России [11]. Создание единого крупного военного подразделения позволило Москве проводить эффективную политику в южном направлении, связанную с началом противостояния Османской империи в конце 1670-х годов. Не случайно русская армия в 1695 г. устремилась на Азов. Захватом Приазовья правительство стремилось максимально укрепить свои южные рубежи и закрепиться в этом стратегически важном регионе. Азов был захвачен в 1696 г., а город стал губернским центром, что подчеркивало геополитическую цель южного направления русской политики. После возвращения Азова Османской империи в 1711 г. центром губернии стал Тамбов, с 1715 г. – Воронеж. Административно-финансовые преобразования и размежевание территорий губернии завершились образованием пяти провинций: Бахмутской, Воронежской, Елецкой, Тамбовской, Шацкой и городами «липецких заводов» (Белоколодск, Романов, Сокольск). В сенатских документах начала 1720-х гг. губерния именовалась и Азовской, и Воронежской.

Обширные азовские провинции к началу 1720-х гг. испытывали трудности в комплектовании местных коллежских должностей: судей, ландрихтеров, рентмейстеров, комиссаров, вальдмейстеров, фискалов. На новый облик администрации у правительства не было ни материальных, ни людских ресурсов. Побеждали убеждения и амбиции царя для достижения «регулярства» в государстве. Системы подготовки администраторов в Петровскую эпоху, как известно, не существовало. Именно поэтому смотр 1721–1722 гг. был так важен для государства. На местные должности рекрутировались царедворцы, отставные военные, городовые дворяне и подьячие. На местах требовались грамотные, исполнительные, способные коммуницировать с центральной властью подданные, происходившие «из шляхетства», не состоявшие «на пасохе». В течение «разбора» этих наличных сил Герольдмейстерская канцелярия предоставляла Сенату и коллегиям кандидатуры на должности центральных и местных учреждений, к «делам» коллегий. Для этого, согласно многократным именным указам, на смотр вызывались все служилые люди, «дворяне», состоявшие вне армии до конца марта 1722 г. Постепенно круг «разбора» расширялся недорослями, архиерейскими дворянами, придворными служителями, подьячими всех провинций. Большая часть смотра с октября 1721 г. до конца апреля 1723 г. проходила в Москве.

Насколько полно обширная документация этого смотра отражает поместно-служебную стратификацию населения Азовской губернии? Для ответа на этот вопрос следует выяснить численность участников генерального смотра 1721–1723 гг. и сравнить с данными других источников, например, с «перечневыми книгами» помещиков 1718 г. азовских провинций. Исполняя царские указы, служащие Герольдии вели разнородные документы: списки, записные тетради и книги. Для ежедневной регистрации «всех чинов шляхетства» в начале акции синхронно составлялось несколько «записных тетрадей» по губерниям. Описание прибытия на смотр каждого человека размещалось в «тетрадах» по чинам, хронологии и персональным «статьям». В Золотой плате Кремля со слов прибывшего канцеляриста Герольдии записывали его возраст, географию и объем владений, место жительства, текущую службу или отставку, сведения о детях мужского пола, фиксировали грамотность. Одна «статья» занимала от трети до полной страницы тетради, которые позже были переплетены в объемные книги «приездов». Повидимому, сохранились не все книги, а дошедшие отражают «приезды» служилых людей не всегда территориально по губерниям. Книги «приездов» имеют два типа структуры. По Азовской губернии одна из книг содержит подшивку записных тетрадей всех «чинов» на смотре до конца марта 1722 г., а книга «приездов» рейтаров и копейщиков с марта 1722 г. до начала 1723 г. сводила записи по «приездам» рейтаров по всем губерниям вне их рубрикации Все «чины» шляхетства российских губерний в конце смотра записывались «по чинам», как было ранее принято в московских приказах. От смотра были освобождены только служилые люди Сибири, Астрахани, Терека и завоеванных прибалтийских земель¹.

Для определения численности представителей всех «чинов» азовских служилых людей, помещиков и недорослей, съезжавшихся в Москву с октября 1721 г. до конца 1722 г.², были проанализированы книги «приездов». При сопоставлении записей трех «книг приездов» со всей базой данных сказок выявлено 748 имен служилых людей и недорослей Азовской губернии (табл. 1). Примерно в 74 % случаев принадлежность к азовскому «шляхетству» канцеляристами устанавливалась при устном опросе, запечатленном в указании адреса: «жительство имеет в Рязком уезде в селе Березах», «живет в Шацком уезде в селе Свищове» и т. п. Служащие Герольдии в 17 % случаев «приписали» участников смотра к конкретной губернии по факту их службы в провинциях и уездах, что рассмотрено ниже. Около 9 % (по поздним «приездам») были причислены к «азовским» при анализе данных согласно канцелярской логике, то есть по месту жительства или службы. Отодворцы Белгородского и Севского разрядов освобождались от явки в Москву [12, № 3810], хотя составляли значительную часть азовских помещиков (табл. 3). Большая часть рейтаров указали «в приезде», что «платят на год по 2 рубля и мелкие всякие поборы в ряд с отодворцами». Служилые люди, работавшие на пашне («в пасохе»), не выделяются среди «азовских приездов». Небольшое число подьячих губернии объясняется поздней подготовкой специальной акции их «разбора», которому посвящена отдельная документация Герольдии, в том числе по Азовской губернии, выходящая за пределы предмета изучения. Учет местного чиновничества на этапе «приезда» не производился по актуальным должностям. Отставные офицеры и царедворцы, в основном занимавшие местные должности, были записаны по своим прежним чинам (табл. 1). Вероятно, несколько десятков азовских помещиков не учтены в таблице, поскольку не удалось обнаружить все тетради «поздноприезцев» с апреля по декабрь 1722 г.

¹ Служилые люди Астраханской губернии (кроме Астрахани), в частности, по симбирскому уезду, Самаре и Саратову фиксировались в общих для всех губерний «записных тетрадях».

² Основной массив имен (685 чел.) выявлен из книги «приездов Азовской губернии», в основной части которой записан 801 человек, включая «приезды» лиц по чинам вне именованья губерний. Дополнительно переплетена «Записная книга приездом уфинского служилого конного шляхетства афицером и рядовым июня с 1-го дня 1722 году» [19].

Численность азовского шляхетства на генеральном смотре 1721–1723 гг. в Москве

Чины	Всего
Стольники	37
Стряпчие «московского списка»	14
Дворяне московские	4
Жильцы	52
«Новокрещенные» мурзы и «в камисарах»	4
Городовые дворяне и дети боярские	107
Полковники и подполковники	10
Майоры и капитаны	52
Ротмистр, поручики и подпоручик	49
Квартермистры и прапорщики	59
Унтер-офицеры	84
Рейтары и копейщики	61
Драгуны и солдаты	109
Есаулы	2
Управители, подьячие, судьи, фискалы, ассессоры	14
Недоросли	90
Итого	748

Составлено по: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 6, 13, 14, 23, 36, 37.

Подробную регистрацию записи шляхетства на смотре разработали служащие Сената, имевшие опыт приказной работы в Разряде. Введение формуляра «опросника» впервые прослеживается на смотре в 1681 г. [4]. Универсальная форма опроса приезжих для разных повытий канцеляристов была введена в разгар смотра 6 марта 1722 г. В сенатском «образце» указывалось учитывать «место жительства». Однако в азовских «тетрадах приездов» встречаются имена персон, проживавших вне Азовской губернии, не имевших владений в ее провинциях и в прошлом, и в настоящем. Принципы причисления персон к какой-либо губернии раскрываются при сопоставлении персональных «приездов» и сказок.

Для служащих Герольдии наиболее сложна была «географическая» идентификация офицеров, и не менее трудна для самих приезжавших. Штаб- и обер- офицеры не всегда указывали какую-либо локацию и территориальную связь при самоименовании в «статьях» приезда и в сказках (в инскрипции и короборации формуляра). Офицеры подали за 1720–1722 гг. несколько сказок, отчасти с противоречивыми данными. Так, подполковник И. С. Фрязин, заявил себе в сказке для Военной коллегии в феврале 1721 г. «от роду мне 56-й год», а в декабре для смотра «Разборной» канцелярии уточнил: «от роду мне за пядесят лет, коликое чосло того не упомню». Для последнего смотра он приехал в Москву и остановился «на своем дворе на Девичьем поле» [19, л. 430]. Богатая служебная биография дважды связывала его с воронежским краем. После Полтавской баталии с 1709 г. он был «написан в маэоры в драгунский полк Мещерского, который был в ведомстве в Азовской губернии и служил при том полку по 711 год», после «раскасования» полка, был в подполковниках Казанского гарнизона. После «генерального смотра» в столице в апреле 1716 г. Фрязин был отставлен от армейской службы и отправлен вновь под Воронеж, был «определен к гражданским делам в Новый Оскол», где пробыл до 2 января 1720 г., добившись отпуска «для своих поместных нужд» к Москве. По переписи 1710 г. 16 его крестьянских дворов находились в Московском, Костромском, Галицком уездах. На новом смотре Военной коллегии в феврале 1721 г. Фрязин был определен через Юстиц-коллегию «тем же чином (подполковника – А. 3.) к судным розыскным делам в ту ж вышепомянутую Воронежскую гу-

бернию» [17, л. 101–102]. Несмотря на двухлетнее отбытие из губернии, он не покинул воронежскую службу и был записан «к смотру» в Москве 23 декабря 1721 г. с «Азовской губернии подполковниками». В сказке бывшего жильца и подполковника А. И. Дубасова в начале сказки обозначено: «Озовской губернии отставной подполковник», при том, что его «жилище находилось в Саранском уезде в селе Смолкове», как и два крестьянских двора [19, л. 431]. К Азовской губернии оказался причислен и бывший в стряпчих «царедворец», отставной подполковник С. К. Крюков, служивший «в Темниковском ландратстве ландратом», и определенный Юстиц-коллегией в 1720 г. судьей в Темников [17, л. 109 об.]. Майор Ф. В. Засецкий назвался в сказке как «Козанские губернии отставной секунт мазор», где был в обучении солдат «артикулу» несколько лет, и лишь незадолго до смотра был «ис Коллегии Юстиции... определен судьей Озовской губернии в Красную слободу к судным и розыскным делам». То есть, еще до прибытия Засецкого в губернию, служащие Герольдии приписали отставного майора к азовским служилым людям [17, л. 412 об.]. Примеры такого способа идентификации подданого во время смотра на основании места его службы можно умножить.

Аналогичная ситуация касается механизма причисления рейтаров, унтер- и обер-офицеров к Азовской губернии. Около десятка служащих оказались на смотре как назначенцы воронежского вице-губернатора С. А. Колычева или «управители» от коллегий, присланных в губернию для «надзору за работными людьми», «денежных зборов», к «липским заводам» [21, л. 217, 218, 220 об., 222, 226, 227]. С апреля 1722 г. «поздноприездцы» служилые и гражданские чины всех российских губерний регистрировались в Герольдии по хронологии прибытия к смотру по чинам и вне топографии владений или места жительства. Приезды на смотр из Азовской губернии с лета 1722 г. резко снизились. В сказках и приездах служилые и даже недоросли (в «приездах») были обязаны ставить личную подпись («рукоприкладство»). Неграмотные, «дряхлые и больные» нанимали любого грамотея – подьячего, «школьника», родственника или сослуживца для подписания документов. По указу царя сенаторы приказали 12 июля 1722 г. «которые афицеры и дворяня грамоте не умеют и об них показано свидетельство також к приездам и к скаскам вместо их руки прикладывали другия, а не сами они, и тех за неумением грамоте, також буде которые и впредь такие ж по свидетельству явятца, что они грамоте не умеют... таких за неумением грамоте писать в воловой список...», то есть в резерв [16, л. 56]. Служащие Герольдии заполняли указанные царем так называемые «генеральные списки» по определению: к гражданским и прочим должностям, годности к службе «к делам», в резерв или к отставке. По «генеральным спискам» Герольдия вела учет службы в течение двух десятилетий. Один из таких документов был опубликован в 1895 г. [13].

Вызывает интерес вопрос о том, насколько принципы сенатских канцеляристов в причислении служилого человека к Азовской губернии коррелировали с самоидентификацией человека, в том виде как она выражалась на письме. В служебных сказках «самоопределение» человека не имело образцовых штампов, но записывалось служащими Герольдии со слов говорящего. Поэтому необходимо учитывать возможную аберрацию составляющих элементов самопрезентации человека и их «иерархию» при трансляции речи. Чтобы нивелировать искажения, попробуем ранжировать типичные формулы «видения себя» служилыми людьми. Эти формулы обозначены после анализа совокупности самоописаний всех сказок. В сказке служилый человек «объявлял» «перед стольником С. А. Колычевым в канцелярии его ведения» свое имя, возраст, чин и «локацию». Повторяющиеся в сказках элементы самоидентификации систематизированы по нескольким типичным «формулам»: по месту жительства/службы в городе, губернии, провинции, уезде (географическая); по чину и служебному состоянию (чиновная); по статусу владения помещьем; по полковой службе (полковая); по этнику – именованию уроженца местности. Результаты анализа частоты встречаемости «формул», представлены в таблице 2.

Таблица 2

Варианты самоидентификации представителей азовского шляхетства
(по сказкам смотра 1721-1722 гг.)

Чиновные группы	Сказок	Формулы самоидентификации и выборка цитирований
Штаб-офицеры	7	Географически-чиновная: Подполковник и елецкой судья, города Ефремова отставной подполковник
	4	Географ.-полковая: Разкосованного Тверского пехотного полку секунд-маэор
	4	Чиновная: маэор, отставной подполковник, отставной маэор
Унтер-офицеры	7	Географ.-чиновная: Азовской губернии полковой каптенармус
	9	Географ.-полковая: Воронежской губ. города Шатцкова новгородского драг. полку отставной каптенармус; Воронежской губ. города Керинска лейб гвардии Семеновского полку ундар афицер
	4	Чиновная: Каптенармус
	1	Географ.-владельческая: Воронежской губ. Рясского уезду помещик подпрапорщик
Городовые дворяне	11	Географ.-чиновная: Городовой дворянин Шатского уезду; Керенец дворянин; Азовской губ. гарадавой службы; Азовской губ. города Кадома новокрещен
	2	Географ.-чиновно-владельческая: Ряской помещик городской дворянин; Городовой дворянин Кадомской помещик
	4	Чиновная: Городовой дворянин; Дворянин
	3	Этникон-чиновная: верхоломовец, верхоломовец-дворянин
Рейтары и чины «прежних служб»	39	Географ.-чиновная: Воронежской губ. Танбовской правинцыи Рясского уезду села Смолевки рейтар, Шацкого уезду копейщик
	2	Чиновная: Рейтар.
	4	Этникон-чиновная: Воронежец прежних служб ясаул; Воронежской губ. резанец рейтар

Составлено по: Ф.286. Оп.1. Д. 6, 13, 14; Ф.248. Оп.102. Д.8104.

Как выясняется, варианты самоименования по происхождению из какой-либо местности совершенно не использовали офицеры. Определяющим для офицерства был армейский чин и последняя должность. Относительно последней, но не назначаемой должности, интересен вышеописанный пример самоидентификации майора Засецкого. Для городских дворян география местонахождения и отношения к родной местности соединялось с артикуляцией чиновного статуса – географическое определение не довлело над указанием чина. Схожая пропорция «формул» у рейтаров и копейщиков. Повторяемость этниконов (воронежец, рязанец) у представителей этой группы «прежних служб» небольшая, но надежно фиксируется. Важность самоопределения офицеров и рейтаров как служивых от города и губернии, в связи с местом службы была доминирующей. Игнорирование чиновного статуса в самоименовании не допускалось. Также как «объявление» гражданства, города, местности не практиковались у этих «чинов» по другим известным причинам – по состоянию самоощущений человека «из шляхетства» Петровского времени. Собственно указание о службе «из шляхетства», известное по сказкам представителей других губерний на смотре, не встречается, что не стоит трактовать как недопустимое или абсолютно непринятое. Возможно, такие формулы не попали в 157 сказок, которые выявлены по Азовской губернии на момент исследования по всей базе данных сказок. Учитывая формат статьи, изложена типология самоидентификации нескольких «чиновных групп» (без обер-офицеров, «новокрещеннов», царедворцев и недорослей), но без исключения всего набора «формул».

Интересно, что при самоописании человека, получившего новоизобретенную должность, ее название как бы подменяло прежние чины или соседствовало с указанием прежних «отставных». Например, Кузьма Стерлигов, который ранее служил «с керенцы дворяны», был назначен в 1721 г. фискалом и почти мгновенно назвал себя в сказке «Озовской губернии Шатской провинции города Керенска фискал».

Структуру служилого населения Азовской губернии по данным смотра 1721–1723 гг. следует сопоставить с другими данными. Правительство не могло физически обеспечить полное представительство служилых всей губернии, несмотря на беспрецедентные усилия, угрозы «лишения чести», допросы и розыски. Для любой смотровой акции были характерны традиционное «нетство», неявка людей в состоянии тяжелой болезни и немощи, недостаток средств для передвижения, разорения. Наконец, известная условность причисления человека к служилым людям (на текущей службе или в отставке), объявленная указами, могла трактоваться различно, что требует специального исследования. Смотр не касался служилых-однодворцев, составлявших существенную долю среди «помещиков», которые массово перечислялись в ландратской переписи 1710-х гг.

Полные данные по всем помещикам Азовской губернии, учитывая сохранность источников, получить невозможно, по крайней мере, на нынешнем этапе исследования. Ландратские переписи не содержат точных статистических данных по всем провинциям Азовской губернии. Однако информативный потенциал этих документов достаточно высок для изучения социальной истории, поскольку «ландратская» документация имела не только дробное описание по территориям и детальное по отдельным владениям, но и сводный характер [6; 7]. Тем не менее, попытаемся выяснить чиновную структуру и имущественное положение помещиков одной из провинций к началу 1720-х гг. Наибольшей полнотой среди изученных книг по Азовской губернии отличается «перечневая» книга Шацкой провинции 1718 г. [22], которая содержит данные о поименном составе и дворовых владениях шацких помещиков. Город Шацк был построен в 1553 г. в Мещерских землях на р. Шате для защиты Рязанских земель с юго-востока [14, с. 139]. Некоторое время он был центром большой территории Мещерских земель, но со временем здесь появились отдельные уезды, со своими административными центрами. Строительство военно-оборонительных сооружений Козловского и Тамбовского уездов закрыли Шацкий уезд от вторжений татарских отрядов и позволили ему стабильно развиваться.

Прежде всего, отметим возрастную градацию помещиков Шацкого уезда по данным на 1722 г., представленную в диаграмме 1.

Диаграмма 1. Возрастные категории помещиков Шацкого уезда по данным смотра 1721–1722 гг.

Представленные данные указывают на то, что 32% явившихся на смотр неслужилых помещиков были старше 60 лет. Вторую по численности группу составляли лица, чей возраст составлял 50–60 лет. Помещики собственно служилого возраста составили 23% (17–40 лет) и 19% (40–50 лет) соответственно. Годные по возрасту к службе лица избежали ее в силу различных обстоятельств. Например, те из них кому было 17–20 лет, не были еще записаны на служебные должности (например, помещики И. И. и И. С. Борсуковы), другие имели ранения, хотя данные смотра этой информации не содержат. В частности, 32-летний драгун Спиридон Степанович Вышеславцов, в 1710 г. упомянут как отпущенный со службы «за раню» [23, л. 13 об.]. Следует обратить внимание, что возраст помещиков часто указывался условно и округлялся до целого десятка. Об этом свидетельствует сопоставление данных переписи 1710 г. и смотра 1721–1722 гг. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим только тенденцию к увеличению возраста в среднем на 5–7 лет.

Анализируя семейное положение явившихся на смотр отметим, что подавляющее большинство из них были женаты (87%)¹. Однако никто не жил в составе т. н. «большой семьи», включавший несколько поколений представителей одного рода, хотя такие дворы в Шацком уезде согласно переписи 1710 г. встречались нередко. К примеру, семья Ивана Осиповича Левашова проживала в двух дворах: помимо его самого в дворах располагались семья его сына и двоюродного брата. Вся семья состояла из 22 человек [23, л. 95]. Напротив, семьи, интересующих нас помещиков были небольшими и включали жену и одного-двух детей. Обобщенная информация по составу семей помещиков представлена в диаграмме 2.

Диаграмма 2. Состав семьи помещиков Шацкого уезда, явившихся на смотр 1722 г., по данным переписи 1710 г.

¹ Исключая случаи, где семейное положение не указывалось.

Материалы переписи 1710 г. относительно указания семейного положению также не могут быть полными, но они вполне отражают общую ситуацию. Если сравнить полученные данные с общими по Шацкому уезду, то заметим важное отличие. Более 60% помещиков уезда имели в составе своей семьи жену и детей, и около половины жили большими семьями. Тогда как в исследуемой группе никто не являлся членом большой семьи, 27% жили без родственников, 41% только с женами. Судя по фамилиям людей, явившихся на смотр, почти все они принадлежали к крупным кланам местных землевладельцев: Барсуковы, Левашовы, Любовниковы, Ардабьевы (Ардабаевы), Свищевы, Мерлины. Часть помещиков не представляла такие «клановые» группы, например, М.С. Скорняков, П.И. Терский и фискал М.П. Патрикеев. В той же переписи 1710 г. и книге 1718 г. М. С. Скорняков упоминается как подьячий Касимова [23, л. 198 об., 246 об.; 22, л. 640]. Никто из них не встречается и в более ранней переписи 1678 г. и смотренных списках 1679 г. [15].

Ландратская книга 1710 г. содержит сведения о 30 персонах, а перечневая книга 1718 г. о 91 человеке, впоследствии приехавшем на смотр 1722 г. (табл. 4). Достоверность данных о чинах, записанных составителями перечневой книги 1718 г. о некоторых владельцах, вызывают сомнения. О представителях царедворцев в 19 записях (10,5%) переписчик указал более высокий чин, как правило, статус стольника, которым эти помещики никогда не обладали. Случаи «занижения» чина в книге не встречаются. По выборке шацких помещиков нескольких фамилий по данным 1710, 1718 и 1721–1722 гг. можно заключить, что характер их службы в большинстве случаев оставался неизменным.

Какова же численность, чиновный состав помещиков Шацкого уезда и особенности дворовладения согласно перечневой книге 1718 г.? Эти факторы занимали не последнее место в социальной идентификации и мироощущении провинциальных феодалов. К тому же кластерный анализ уездных дворовладельцев важен для оценки перспектив оценки «поместно-служилого» состава всей Азовской губернии. Отмечается и высокая доля вдов: 66 помещиц владели крестьянами после смерти своих мужей (табл. 3). Не только военные акции Северной войны сказались на «вдовьем» дворовладении, но и вполне естественные факторы. В среднем вдовье поместье было мелким, не отличаясь объемом от владений большинства шацких помещиков. Кроме «двора помещицы с дворовыми людьми» 31 вдова из 61, по которым имеются данные¹, владели крестьянами. 15 вдов владели 1–2 дворами, 9 вдов – 3–5 крестьянскими дворами. Две вдовы владели поместьями совместно с сыновьями Авдотья Федоровна Великогагина – 52 дворами; Федосья Перепечина – одним крестьянским двором. Только пятеро вдов унаследовали средние и крупные владения, но не принадлежали к помещицам, проживавшим в Шацком уезде. Вдова думного дьяка Е. И. Украинцева Устинья Осиповна в селе Рузвели владела 10 дворами с 143 крестьянами обоего пола. Вероятно, имя супруги знаменитого дипломата устанавливается впервые. Самое крупное владение 89 дворов с 432 крестьянами обоего пола принадлежало вдове-княгине Марии Петровне урожденной Шереметевой, сестре фельдмаршала. Муж княгини царский спальник кн. Д. Г. Черкасский, известный обучением архитектуре и кораблестроению в Голландии, умер в 1706 г. К моменту переписи у вдовы-княгини оставалось в живых три дочери из пяти княжен [22, л. 52, 250 об, 474, 576].

В Шацком уезде 200 владельцев (25,9 %) имели всего один крестьянский двор и/или свой «помещиковый двор» (табл. 3). К сожалению, имеющиеся данные не отражают чиновный состав этой группы, близкой к однодворцам. Наблюдение В. М. Важинского о мелком поместье XVII в., как преобладающем типе служилого землевладения на Юге России в целом верно и для Петровского времени [2].

¹ Часть текста книги имеет значительные повреждения по краям и не поддается прочтению.

Таблица 3.

Светские помещики Шацкого уезда и владельцы, имевшие дворовладения в 1718 г.
(по данным «перечневой» ландратской книги)

Чины	Всего
Губернаторы и вице-губернаторы	1+2
Генералы	4
Сибирский царевич	1
Думные чины	6
Комнатные стольники	13
Стольники	92
Стряпчие «московского списка»	20
Дворяне московские	12
Жильцы	56
Подключник	1
Городовые дворяне и дети боярские	14
Владельцы двух и более крестьянских дворов (без указания чина)	101
Владельцы 1 крест. двора и/или «помещикова двора» (без указания чина)	200
Новокрещены (владельцы 1 двора)	11
Полковники, подполковники, майоры	8+2+7
Капитаны, поручики, прапорщики	18+20+10
Унтер-офицеры, вкл. адъютанта	15
Рейтары и копейщики	13
Драгуны и солдаты	48
Дьяки и подьячие	4+6
Вдовы и дочери, жены, «девки»	66+7
Недоросли и дети помещиков, школьник	11
Нет данных о дворах	3
Итого	772

Необходимо особо подчеркнуть, что «перечневой» список 1718 г. зафиксировал не только местных помещиков, но и феодалов, проживавших, служивших и владевших крестьянами в разных губерниях. В перечневой росписи 1718 г. указано землевладение представителей столичной служилой элиты, генералитета и высшей бюрократии. Все они включены в табл. 3: родные племянники царя А. Л. и И. Л. Нарышкины, сенаторы Т. Н. Стрешнев, кн. Я. Ф. Долгоруков, генералы кн. Н. И. Репнин, М. М. Голицын, И. М. Головин, стольники кн. М. П. Гагарин, Ф. И. Протасьев, Ф. С. Салтыков, кн. Ф. М. Щербатов, кн. Ю. Ю. Одоевский и другие крупные помещики. Статистически отделить средних и крупных владельцев, помещенных или служивших в Шацком уезде, от других феодалов возможно лишь идентифицируя каждого владельца по статусу и местонахождению на службе.

Согласно данным книг «приездов» и сказок на смотр в Москве с декабря 1721 по март 1722 г., явилось не менее 117 представителей Шацкого уезда, включая отставных служилых (табл. 4) [19, 22].

Таблица 4.

Численность шацких помещиков, явившихся на смотр 1721–1722 гг.
(по данным книг «приездов»)

Чины	1722
Стольники	7
Стряпчие	3
Дворяне московские	1
Жильцы	14
Городовые дворяне и дети боярские	19
Подполковники	1
Майоры	3
Капитаны	5
Поручики, подпоручик, квартирмейстер	7
Прапорщики	11
Унтер-офицеры, вкл. обозных, адъютантов	11
Рейтары	11
Драгуны и солдаты	14
Приказные	1
Недоросли	9
Итого	117

Табл. 4 составлена по: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 13, 14, 23, 36, 37

Идентификация служилых людей, «дворян» и недорослей по Азовской губернии производилась канцеляристами Герольдии в момент опроса о назначениях на службу в азовские провинции и при указании «места жительства» при записи их «приезда» на смотр. Документы генерального смотра также ценны для характеристики назначений и представительства «чинов» на общегосударственном разборе, для оценки самоидентификации уездных помещиков, но они не предназначались для учета местного служилого населения и помещиков в связи с их неполным представительством. Достоверное и точное определение численности служилых и помещиков по уездам затруднено и тем, что учет различных «чинов» существенно зависит от принятого способа подсчета и понимания состава самого объекта статистики. Так, например, московские чины не были включены в подробную перечневую выписку служилых людей Белгородского полка 1697 г. Их учет, как правило, велся отдельной документацией Разряда. При этом десятки ратных людей, проживавших и служивших на территории южных уездов, состояли в московских чинах, в основном, в жильцах. Двойственная оценка возникает при определении статуса рейтаров. На смотре 1722 г. было отмечено «окладное» положение рейтаров. Перспективы «шляхетского» статуса их фамилий уже зависели от успешности службы их детей.

Возвращаясь к наблюдениям о структуре землевладения, заметим, что по данным последней крупной переписи допетровской эпохи – сметной книги 1679 г. 41% землевладельцев Шацкого уезда не имели крестьян, 41% владели 1–2 дворами. При этом, 75% помещиков владели «деловыми людьми», ставшими затем дворовыми, которые могли использоваться для работы на пашне [15]. Такая же тенденция преобладания дворовых людей над крестьянами сохранялась и в Петровское время.

Информация о шацких помещиках позволяет представить общую картину, главным образом, среднего помещика из небогатой семьи. На смотре шацкие помещики оказались рядом с представителями служилой элиты и царедворцами других регионов и уездов Азов-

ской губернии. Для наглядного примера обратимся к данным по Елецкому уезду, располагавшегося к юго-западу от Шацка в среднем течении Верхнего Дона. В Москву на смотр 1722 г. из Елецкого уезда явилось 10 человек, представлявших местные служилые семьи, которые проживали на территории уезда с конца XVI в. [5]. Подобно многим шацким помещикам все приехавшие на смотр ельчане не состояли в тот момент на военной службе, были отставными или недорослями. Исключение составляли представители рода Бехтеевых, ведущих свое служилое происхождение с XV в. [8]. На момент смотра в Елецком уезде владения имели несколько представителей этой фамилии: Евсей Иванович; Иван, Дмитрий и Петр Епифановичи и Иван Евсеевич [9, с. 32, 43, 45, 49, 62.]. На смотр 1722 г. явились только двое последних – Петр и Иван [19, л. 535, 573], которые не находились в этот момент на службе, что подтверждают служебные сказки. Обратимся к их содержанию. Петру, по его словам, было 58 лет, он служил в начале в полках, а с 1712 г. чиновником. Наконец, в 1717 г. Петр Бехтеев получил отставку и уволился со службы [20, л. 796–797]. Ивану исполнилось 60 лет, службу, по его словам, он начал с 1680 г. В 1701 г. на Ивана был подан донос, в котором звучали обвинения о продаже казенного леса. Без долгого разбирательства Бехтеева отправили на галерные работы в Азов. В 1711 г. адмирал Ф. М. Апраксин пересмотрел дело и велел освободить И. Е. Бехтеева, установив отсутствие следственных действий. Официального «прощения в народ» освобожденный так и не получил, как и новых «дел и служб», хотя дважды приезжал в Москву на смотры [18, л. 356–356 об.]. Оба Бехтеева находились в отставке, но явились на смотр. Эта емкая иллюстрация из жизни елецких помещиков демонстрирует охват смотровой акции. Правительство добилось вызова провинциальных и отставных чинов, не смотря на заведомую запись большинства «из шляхетства» в резерв (валовой список) или в отставку.

Таким образом, определение чиновной структуры и численности служилого населения и помещиков Азовской губернии по провинциям и городам требует сравнительного сопоставления нескольких массовых источников по биографическим данным. Согласно изученным документам, служилые и помещики Шацкой провинции и Ряжского уезда Тамбовской провинции отличались наибольшим представительством на смотре. К концу 1722 г. на смотре было зафиксировано не менее 748 человек из Азовской губернии и в том числе 117 из Шацкого уезда. Обращение к биографическим данным позволяют увидеть судьбу каждого человека на государственной службе, избежать которую при Петре I было практически невозможно. «Недоросли», старые и увеченные, отставные «чины» были объединены другой обязанностью – предъявлять на смотрах свидетельство своего состояния документы об «осмотрах» и «пашпорты» отставки. Больше половины явившихся на смотр 1722 г. шацких помещиков представляли собой обедневших дворовладельцев, которые в XVII в. освобождались от службы.

Справедливо считать, что социальная идентификация всех представителей азовского шляхетства со стороны Герольдмейстерской канцелярии опиралась на несколько основных параметров, по которым производился «разбор» и назначения «к делам», это: именование человека, чин, служебное состояние, место жительства/службы, грамотность. На общероссийском смотре 1721–1723 гг. возросло значение актуального места службы при служебной идентификации человека География владения, родственные связи, наличие «служилых людей с боем», определявших человека на «разборах» конца XVII в., при Петре I отошли на второй план. Согласно естественной выборке по именам служилых людей Азовской губернии самоидентификация человека «из шляхетства» вне чиновного статуса исключалась. Ипостаси «чина» и службы в самоописании человека так же органически пронизывали его осознание себя как и природное понимание «рабского» подданства своему государю. Регистрация человека в служебных документах Герольдии выражает характер социальной идентификации человека со стороны властей. В документации отразилась инкорпорация азовских служилых людей, которые не испомещались на локальной территории, но фактически были приписаны к городу и провинции фактом назначений и службы. Аналогичная ситуа-

ция наблюдалась относительно рейтаров, служивших по Белгородскому разряду в конце XVII в., большинство из которых не могли получить поместья, но влились в ряды служилых людей уездов. Преобразования Петра I должны были привести к формированию новых служилых градаций на основе идеи служения выходцев «из шляхетства» государству.

Список источников и литературы

1. Бенцианов, М. М. *«Князья, бояре и дети боярские».* Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019.
2. Важинский, В. М. *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке.* Воронеж: Воронеж. пед. ин-т, 1974. 237 с.
3. Захаров, А. В. *«Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты* // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 167-182.
4. Захаров, А. В. *Информативность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721–1723 гг.* // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4 (в печати).
5. Ляпин, Д. А. *Дворянство Елецкого уезда в конце XVI – XVII веках (историко-генеалогическое исследование).* Елец: МУП «Типография», 2008. 420 с.
6. Ляпин, Д.А. *Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал* // Quaestio Rossica. 2021. Вып. 9 (1). С. 254-264.
7. Ляпин, Д. А. *Опыт изучения ландратских книг петровского времени* // Российская история. 2021. № 1. С. 37-45.
8. Ляпин, Д. А. *Род дворян Бехтеевых в истории России (XV- начало XX в.)* // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2018. Выпуск 1 (18). С. 4-12.
9. Ляпин, Д. А., Акинъшин, А. Н., Лильп, И. Г. *Бехтеевы: родословная роспись. Второе издание.* Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2020. 352 с.
10. Мизис, Ю. А. *Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государевой службе.* Тамбов: Мичуринск, 2012. 366 с.
11. Петрухинцев, Н. Н. *«Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658—1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края)* // История: факты и символы. 2018. № 3 (16) С. 106–129.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. 815 с.
13. *Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия* // Сенатский архив. Т. 7. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. С. 636–811.
14. Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Наука, 1966.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 20. Д. 6.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 88. Д. 7302.
17. РГАДА. Ф. 248 Оп. 102. Д. 8104.
18. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 8.
19. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 23.
20. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 32.
21. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 36.
22. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 467.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д.1147.
24. Davies, L. B. *State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649.* New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

References

1. Bentsianov M. M. (2019). «*Kniaz'ia, boiare i deti boiarskie*». *Sistema sluzhebnyh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV—XVI vv.* ["Princes, boyars and boyar children." The system of service relations in the Moscow state in the 15th — 16th centuries.] Moscow: Sentrpoligraf, 2019. (in Russian).
2. Liapin D. A. (2008). *Dvorianstvo Eletskego uezda v kontse XVI – XVII vekah (istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*. Elets: «Tipografiia», 420 p. (in Russian).
3. Liapin D. A. *Landratskie knigi: karakteristika istochnika i ego informatsionnyj potentsial* (2021). [Landratskie books: characteristics of the source and its information potential] in *Quaestio Rossica*. 2021, 9 (1), 254-264. (in Russian).
4. Liapin D. A. (2021). *Opyt izuchenii landratskih knig petrovskogo vremeni* [Experience of studying the Landrats' books of Peter's time] in *Rossijskaia istoriia*. 2021, 1, 37-45. (in Russian).
5. Liapin D. A. (2018). *Rod dvorian Bekhteevyh v istorii Rossii (XV- nachalo XX v.)* [The Bekhteev family of nobles in the history of Russia (15th - early 20th century)] in *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriia Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 1 (18), 4-12.
6. Liapin D. A., Akin'shin A. N., Lil'p I. G. (2020). *Bekhteevy: rodoslovnaia rospis'*. Vtoroe izdanie. Elets: EGU im. I.A. Bunina. (in Russian).
7. Mizis Iu. A. (2012). *Voevoda Moskovskogo tsarstva. R.F. Boborykin na gosudarevoj sluzhbe* [Voevoda of the Muscovy. R.F. Boborykin in the state service]. Tambov: Michurinsk. (in Russian).
8. Petruhintsev N. N. (2018). «*Razriadnaia*» voennaia reforma Alekseia Mihajlovicha i ee vliianie v 1658—1660 gg. na iuzhnye sluzhilye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipetskogo kraia) in *Istoriia: Fakty i simvoly*, 3 (16), 106–129. (in Russian).
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* (1830). [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 6, St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-nija Sobstv. E.I.V. kanceljarii. (in Russian).
10. *Razriadnaia kniga 1475-1598* (1966). Moscow: Nauka. (in Russian).
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) (Russian state archive of ancient acts). F. 210. Inv. 20. D. 6. (in Russian).
12. *Spisok voennym chinam 1-i poloviny 18-go stoletii in Senatskii arkhiv (List of military ranks of the 1st half of the 18th century)*. (1895). [List of military ranks of the 1st half of the 18th century] in *Senatskij arhiv*. Vol. 7. St. Petersburg: Tipografiia Pravitel'stvuiushchego Senata, 636–811. (in Russian).
13. RGADA. F. 248. Inv. 88. D. 7302. (in Russian).
14. RGADA. F. 248. Inv. 102. D. 8104. (in Russian).
15. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 8. (in Russian).
16. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 23. (in Russian).
17. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 32. (in Russian).
18. RGADA. F. 286. Inv. 1. D. 36. (in Russian).
19. RGADA. F. 350. Inv. 1. D. 467. (in Russian).
20. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 1147. (in Russian).
21. Vazhinskii V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke* [Land ownership and the formation of a community of odnodvoretz in the XVII century.]. Voronezh : Voronezh. ped. in-t, 237 p. (in Russian).
22. Zaharov A.V. (2020). «*General'nyj smotr*» dvorianstva 1721–1723 gg.: istoriia organizatsii i rezul'taty ["General review" of the nobility of 1721–1723: history of organization and results] in *Istoriia: fakty i simvoly*, 4 (25), 167-182. (in Russian).
23. Zaharov A. V. (2021). *Informativnost' i sostav massovoj dokumentatsii general'nogo smotra dvorianstva 1721–1723 gg.* [Information content and composition of mass documentation

of the general review of the nobility of 1721–1723] in *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 4 (in print). (in Russian).

24. Davies, L. B. *State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p. (in Russian).